

типа семьи, характерного для индустриально-урбанистического общества, приносил свои результаты. В обществе утверждались представления о необходимости товарищеских отношений между мужчиной и женщиной, о новой роли женщины в семье и обществе. Эмансипации женщин, утверждению их равноправия с мужчинами эффективно способствовало участие судебных учреждений Сибири в защите имущественных и личных прав женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольфсон С.Я. Социология брака и семья. Минск, 1929.
2. Бранденбургский Я.И. Брак и семья. М., 1926.
3. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
4. Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930.

*Статья поступила
в редакцию 19.11.2012*

УДК 321.74 (571. 1/.5) “1924/1930”

Т.И. МОРОЗОВА

БЮРО СИБИРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА РКП(б)–ВКП(б): КОМПЕТЕНЦИЯ, СОСТАВ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (май 1924 – август 1930 г.)

Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: morozova_tatiana@bk.ru

В статье рассматриваются компетенция, кадровый состав, принципы формирования, формы и методы работы бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) с мая 1924 по август 1930 г., являвшегося высшим партийным органом Сибири. На основе широкого круга архивных источников и материалов периодической печати характеризуются взаимоотношения краевого центра с ЦК и местными партийными организациями. Прослеживается процесс бюрократизации регионального партийного аппарата. Выявляются роль и место бюро Сибкрайкома в системе партийного руководства Сибирью.

Ключевые слова: бюро, коммунистическая партия, партийный аппарат, Сибкрайком, Сибирь.

«Руководящее ядро партии», «высший орган власти в СССР» – характеристики, давно и прочно закрепившиеся в исторической литературе за Политическим бюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Сформулированный в постсоветской историографии тезис о произошедшей в начале 1920-х гг. концентрации реальных властных полномочий в пределах исполнительных структур РКП(б) [1, с. 23] внес принципиальные изменения в представления о внутреннем устройстве и механизме работы аппарата коммунистической партии. Признание как первоочередной роли Политбюро в партийно-политической системе 1920-х гг. [2; 3; 4], так и появление второго могущественного центра власти в лице Оргбюро [5, с. 37] актуализировало задачу изучения не только самих этих структур, но и их местных аналогов – бюро областных и краевых комитетов большевистской партии.

Характерное для советской историографии понимание бюро краевых комитетов как органов, только контролирующих выполнение парторганизациями решений партийных форумов [6], сменилось осознанием реального значения этих структур. Деятельность бюро краевых комитетов получила объяснение в контексте разворачивавшейся внутрипартийной борьбы [7]. Изучение партийно-государственного аппарата отдельных регионов СССР привело к выводам, что уже в 1920-е гг. в стране была создана бюрократическая сис-

тема власти. Исследователи показали, что являвшиеся частью этой системы бюро краевых комитетов оказались в результате оторваны как от партийной массы, так и от общества в целом [1; 8]. В то же время специального изучения этих органов, и в том числе бюро Сибирского краевого комитета, до настоящего времени не предпринималось.

Создание в марте 1919 г. Политбюро и Оргбюро ЦК, а затем и бюро региональных партийных комитетов было вызвано необходимостью обеспечить непрерывность партийного руководства. Основанием для выделения бюро в структуре областных парткомитетов послужил Устав РКП(б), принятый XII Всероссийской партконференцией в августе 1922 г. [9, с. 266]. В обязанности новым партийным органам вменялось ведение текущей работы между периодически созываемыми пленумами и конференциями. Отсутствие документально зафиксированной компетенции и оперативность работы бюро областных и краевых комитетов РКП(б) привели к тому, что сосредоточенная в их руках власть не ограничивалась ничем, за исключением полномочий вышестоящих органов и требования соблюдения партийной дисциплины.

Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б) было создано 11 мая 1924 г. и просуществовало до середины августа 1930 г. Входявшее в компетенцию бюро веде-

ние всех текущих дел осуществлялось им через аппарат крайкома, первоначально состоявший из секретно-директивной части, общего, сметно-финансового, организационного и агитационно-пропагандистского отделов, женотдела и истпарта. Орготдел имел в своем составе информационно-статистический и учетный подотделы, агитпроп – подотделы агитации, пропаганды, печати и семь нацменсекций¹.

В результате многочисленных реорганизаций к началу 1930 г. число подразделений, непосредственно подконтрольных бюро краевого комитета, насчитывало уже около двух десятков. В январе–феврале 1930 г. наряду с сохранившимися секретно-директивной и сметно-финансовыми частями, общим отделом и истпартом в структуре Сибкрайкома были учреждены организационно-инструкторский и распределительный отделы, отдел культуры и пропаганды и отдел агитации и массовых хозяйственно-политических кампаний, каждый из которых делился на три–четыре сектора². Однако осуществлявшийся таким образом поиск наиболее оптимальной структуры регионального партийного аппарата напрямую не коснулся бюро краевого комитета, на протяжении 1924–1930 гг. остававшегося высшим руководящим органом Сибкрайкома.

Первый состав бюро краевого комитета включал восемь членов и двух кандидатов в члены³. По мере того как сначала районирование Сибири, а затем курс на индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства требовали от бюро Сибкрайкома рассмотрения всё большего количества вопросов, численность этой структуры последовательно возрастала. Однако даже к лету 1930 г. бюро краевого комитета по-прежнему представляло собой немногочисленную группу из 13 членов и трех кандидатов⁴.

По негласному правилу бюро Сибкрайкома состояло преимущественно из секретаря (а с апреля 1925 г. – первого и второго секретарей) комитета, заведующих его основными отделами, руководителей других краевых организаций, секретарей наиболее крупных губернских или окружных парткомов. Так, 23 декабря 1924 г. очередной пленум Сибкрайкома РКП(б) утвердил бюро краевого комитета в составе девяти членов – секретаря Сибкрайкома С.В. Косиора, председателя Сибревкома М.М. Лашевича, заведующего организационным отделом Сибкрайкома А.К. Лепы, полномочного представителя ОГПУ по Сибири И.П. Павлуновского, председателя Сибкрайсоюза И.И. Панкратова, заведующего агитационно-пропагандистским отделом краевого комитета Б.Д. Пинсона, секретаря ячейки РКП(б) депо ст. Новониколаевск Н.И. Севастьянова, секретаря Новониколаевского губкома Н.А. Филатова, заместителя председателя Сибревкома Р.И. Эйхе и четырех кандидатов – председателя Сиббюро ВЦСПС Л.И. Гинзбурга, заместителя заведующего организаци-

онным отделом Сибкрайкома Ф.И. Гуськова, начальника политуправления и члена реввоенсовета войск Сибирского военного округа Л.С. Сонкина и председателя Сибпромбюро ВСНХ А.М. Тамарина⁵. Такой состав бюро краевого комитета был обусловлен необходимостью поддержания непосредственной связи высшего партийного органа Сибири с важнейшими краевыми и губернскими (с 1925 г. – окружными) организациями региона.

Характерная для 1920-х гг. высокая степень вертикальной и горизонтальной мобильности способствовала постоянному обновлению состава высшего партийного руководства Сибири. За шесть лет существования Сибкрайкома членами и кандидатами в члены его бюро в общей сложности стали 53 чел. [10].

Несмотря на формально проводившиеся перевыборы, члены и кандидаты в члены бюро крайкома предварительно рекомендовались, как правило, Центральным комитетом. Такая практика позволяла ЦК при внешнем сохранении статуса выборности партийного руководства региона регулировать и контролировать его персональный состав.

Номенклатурный принцип формирования основных руководящих органов краевых, областных и республиканских комитетов РКП(б) был закреплён решением Оргбюро от 25 сентября⁶ и утверждён Политбюро 15 октября 1925 г.⁷ Согласно принятому постановлению, бюро Сибкрайкома наряду с президиумами Закавказского и Северо-Кавказского комитетов, бюро Казахского крайкома, Уральского обкома и ЦК Белоруссии, Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У в обязательном порядке должно было утверждаться Центральным комитетом РКП(б).

Исключительным случаем прямого вмешательства сибирской партийной элиты в формирование состава бюро крайкома стало обращение летом 1930 г. семи представителей высшего партийного руководства региона в ЦК ВКП(б) с просьбой снять Р.И. Эйхе с поста первого секретаря краевого комитета. Постановлением ЦК от 20 августа предпринятая попытка была квалифицирована как «беспринципная групповщина», а ее инициаторы получили выговор за непартийное поведение и были сняты со своих постов⁸. Такой исход конфликта, назревшего в бюро крайкома и вышедшего в итоге далеко за его пределы, стал доказательством безусловной прерогативы ЦК в вопросах формирования краевого руководства.

Пристальное внимание ЦК к составу бюро краевого комитета было обусловлено, прежде всего, важностью и всеохватностью принимавшихся им решений. Именно бюро Сибкрайкома адаптировало применительно к местным условиям директивы ЦК по всем направлениям внутрипартийной работы, руководило советскими органами государственного управления и общественными организациями Сибирского края.

¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 393. Л. 31 об., 32.

² Сов. Сибирь. 1930. 18 янв.; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 35. Л. 269, 271–276; Д. 41; Оп. 5а. Д. 74. Л. 27–32.

³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Изв. Сибкрайкома. Новосибирск, 1930. № 11–12. С. 1.

⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 138.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 47. Л. 477.

⁷ Там же. Л. 479.

⁸ Правда. 1930. 22 авг.

Ориентируясь на указания Центра, бюро краевого комитета не только принимало собственные решения, но и выработывало проекты резолюций и постановлений, впоследствии, как правило, только утверждавшиеся краевыми партконференциями и пленумами Сибкрайкома. Тем самым, оставаясь в тени региональных партийных форумов, бюро краевого комитета на протяжении шести лет своей деятельности прямо и опосредованно определяло политическое, социально-экономическое и культурное развитие Сибири.

Центральное место в деятельности бюро Сибкрайкома занимало принятие решений по вопросам подготовки, подбора, учета и перераспределения партийных и советских работников краевого, губернского и окружного уровней. Приоритетное внимание уделялось назначению номенклатурных работников на наиболее значимые посты в Сибири и непрерывным кадровым переброскам.

В целом, проводя в жизнь основные принципы кадровой политики РКП(б)–ВКП(б), бюро Сибкрайкома неоднократно протестовало против отдельных решений ЦК. В большинстве случаев возражения краевого руководства возникали в связи с отзывами ответственных работников из Сибири в распоряжение ЦК. Аргументируя невозможность откомандирования тех или иных кадров отсутствием соответствующей замены, бюро краевого комитета нередко удавалось отстоять интересы региона, добиваясь отмены первоначального решения Центра.

Принципиальное значение имели подбор и расстановка ответственных работников в пределах Сибири. Во-первых, осуществлявшиеся бюро крайкома постоянные кадровые переброски в той или иной степени позволяли компенсировать «кадровый голод», особенно обострившийся в связи с районированием Сибири 1925 г. Во-вторых, откомандирование являлось наиболее распространенным способом разрешения возникавших на местах конфликтов, а назначение «проверенных» работников обеспечивало лояльность парторганизаций по отношению к краевому центру.

Рассмотрение обширного круга вопросов и решение проблем не только краевого, но и местного масштаба, требовало от бюро Сибкрайкома весьма напряженного графика работы. Всего с мая 1924 по август 1930 г. состоялось 443 заседания⁹. Однако их частота была крайне непостоянной и колебалась в пределах одного – двенадцати заседаний в месяц, а повестка дня включала в разное время от одного до 30–40 различных вопросов.

В условиях усложнения стоящих перед Сибкрайкомом задач сохранить в целом темпы работы его бюро позволило создание в начале апреля 1925 г. секретариата краевого комитета. На новый орган, учрежденный для ведения «внутренней и подготовительной работы»¹⁰, была возложена и часть обязанностей бюро крайкома.

Несмотря на отсутствие строго установленного графика, краевое партийное руководство изначально стремилось систематизировать работу бюро крайкома, проводя заседания по четвергам и реже – по понедельникам. В конце января 1926 г. бюро краевого комитета приняло решение заседать еженедельно по вторникам в шесть часов вечера¹¹, что, однако, оказалось явно недостаточным для решения всех имевшихся вопросов. В итоге уже спустя две недели бюро Сибкрайкома было вынуждено вернуться к произвольному назначению дат очередных заседаний.

Новая попытка регламентации деятельности бюро Сибкрайкома была предпринята осенью 1929 г. в рамках кампании по переходу на непрерывную рабочую неделю. Уже 5 и 8 октября сначала секретариат¹², а затем бюро краевого комитета¹³ постановили утвердить новый порядок работы, согласно которому заседания основных краевых органов должны были распределяться в соответствии не с днями недели, а с календарными датами. Для работы бюро краевого комитета выделялись дни, оканчивающиеся на цифру «5». Такой переход на десятидневный цикл заседаний существенно сокращал интенсивность работы краевых органов, что вряд ли было уместно в обстановке начавшейся коллективизации. В результате очередная идея по систематизации и рационализации работы бюро крайкома вновь осталась нереализованной.

Сложности в организации работы бюро Сибкрайкома были обусловлены не только чрезмерным объемом текущих дел, но и громоздкостью аппарата краевого комитета. Бюро крайкома регулярно давало распоряжения многочисленным отделам, подотделам и секциям, контролировало ход и результаты деятельности всех подведомственных ему структур, знакомило с подготовленными в результате материалами. По данным рационализаторской комиссии, обследовавшей весной 1928 г. деятельность Сибкрайкома, через все его подразделения прошло в течение года в общей сложности около 40 тыс. различных документов [11, с. 44]. Причем значительную долю поступившей в крайком документации составили информационные и личные письма из местных парторганизаций, адресованные непосредственно бюро или секретарю краевого комитета. Сложная организационная структура высшего партийного органа Сибири и огромные масштабы делопроизводства неизбежно вели к бюрократизации работы как всего аппарата Сибкрайкома, так и его в бюро в частности.

Для сокращения объемов материалов, подлежащих рассмотрению бюро краевого комитета, и оперативности получения информации краевое руководство регулярно приглашало на заседания бюро Сибкрайкома руководителей местных парткомов. Активно применялась практика заслушивания докладов секретарей районных, уездных, губернских или окружных коми-

⁹ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 1, 2, 6, 7–8, 10, 14, 15, 23–24, 25, 28, 33, 34, 40, 41, 43, 44а; Ф. П-6. Оп. 1. Д. 1077.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 58. Л. 91.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 63.

¹² Там же. Д. 35. Л. 95.

¹³ Там же. Д. 40. Л. 2.

тетов. Обсуждение различных проблем местных парт-организаций нередко происходило с участием коммунистов, не являвшихся ни членами, ни кандидатами в члены бюро краевого комитета.

Проверить имеющиеся и получить дополнительные сведения, сообщить о последних решениях и проследить за исполнением директив партии в местные парторганизации направлялись информаторы и инструкторы Сибкрайкома. Укреплению партийного руководства также способствовало делегирование секретаря, членов и кандидатов в члены бюро краевого комитета на губернские и окружные конференции.

С целью непосредственного доведения информации о принятых крайкомом постановлениях до краевых организаций с лета 1924 г. бюро Сибкрайкома ввело практику составления списков коммунистов, которым разрешалось присутствовать на всех его заседаниях. В июне постановлением бюро крайкома такое право было закреплено за президиумом Сибирской контрольной комиссии, что на самом деле дублировало один из пунктов Устава РКП(б) 1922 г. [9, с. 271]. Разрешение присутствовать на всех заседаниях краевого комитета было дано 18 сентября 1924 г. заведующему подготовкой информации Сибкрайкома А.П. Нелюбину¹⁴, а в ноябре 1926 г. – всем членам бюро фракции Сибирского краевого совета профессиональных союзов, коммунистам от краевых комитетов профсоюзов и членам бюро крайкома ВЛКСМ¹⁵. Поэтому на некоторых заседаниях бюро Сибкрайкома РКП(б) присутствовали иногда до 40 чел., что почти в 4 раза превышало его фактическую численность.

Такое увеличение числа участников заседаний бюро краевого комитета имело противоречивое значение. С одной стороны, сложившаяся практика обеспечивала надежную коммуникацию краевого партийного руководства с партийными, советскими и профсоюзными организациями региона. С другой стороны, привлечение к работе бюро крайкома не входивших в него коммунистов препятствовало соблюдению секретности партийного делопроизводства.

Решение возникшей проблемы было найдено в январе 1926 г., когда часть вопросов повестки дня стала выноситься на так называемые закрытые заседания. Широкое распространение получило также принятие решений путем опроса членов и кандидатов в члены бюро краевого комитета. Эти две новые формы работы бюро крайкома, активно применявшиеся до последних дней его существования, способствовали не только решению вопросов, требующих конфиденциальности, но и сохранению роли и места бюро краевого комитета в партийно-политической системе советского государства.

В августе 1930 г. в результате разделения Сибири на Западно- и Восточно-Сибирский края бюро Сибкрайкома было преобразовано в бюро Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б). Новый орган полностью унаследовал компетенцию, способы фор-

мирования состава, формы и методы деятельности, выработанные на протяжении 1924–1930 гг. Еще принимавшиеся в эти годы попытки рационализации и демократизации работы бюро Сибкрайкома не принесли сколько-нибудь заметных результатов. Разросшееся делопроизводство, практика закрытых заседаний, напряженный режим работы и неоднократное возвращение к обсуждению одних и тех же вопросов неуклонно вели к бюрократизации регионального партийного аппарата.

К 1930 г. бюро краевого комитета было прочно встроено в партийную вертикаль власти. Противоречия, время от времени возникавшие между Центром, бюро крайкома и местными партийными комитетами, были связаны преимущественно с расстановкой партийных и советских кадров, но быстро урегулировались и, как правило, не вызвали резонанса. Ставшая единственным примером серьезных разногласий регионального партийного руководства с позицией ЦК попытка сместить Р.И. Эйхе с поста первого секретаря краевого комитета уже в силу логики внутривнутрипартийной иерархии не могла рассчитывать на успех. Партийная дисциплина и утверждение Центром персонального состава бюро крайкома являлись своего рода гарантией неукоснительного следования директивам ЦК. Сложившиеся принципы взаимоотношения бюро краевого комитета с Москвой, в свою очередь, были перенесены на взаимодействие краевого центра с местными парткомами. Реальная власть краевого руководства над партийными организациями региона и последовательное соблюдение им линии партии способствовали закреплению за бюро Сибирского крайкома статуса высшей партийной инстанции Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б): устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
2. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
3. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938 гг.: в 3 т. М., 2007.
4. The Lost Politburo Transcripts. From collective rule to Stalin's dictatorship. Yale University Press, 2008.
5. Павлюченков С.А. «Орден меча»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.
6. Молотов И.А. Сибкрайком: партийное строительство в Сибири. 1924–1930 гг. Новосибирск, 1978.
7. Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994.
8. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.
9. Программы и Уставы КПСС. М., 1969.
10. Шишкин В.И. Персональный состав высших советских органов власти и управления в Сибири (1919–30): Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б) // Историческая энциклопедия Сибири / глав. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 686–688.
11. Луцков А. О рационализации партаппарата крайкома партии // На Ленинском пути. Новосибирск, 1928. № 11–12.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 292.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 11. Л. 156.